

[Тамара и Демон: Дмитрий Хворостовский и Асмик Григорян в опере Рубинштейна | Журнал "Чайка" \(chayka.org\)](#)

Тамара и Демон: Дмитрий Хворостовский и Асмик Григорян в опере Рубинштейна

Ирина Чайковская

Опубликовано: 12 февраля 2015

Опера ДЕМОН Антона Рубинштейна на канале КУЛЬТУРА

Такое впечатление, что Дмитрий Хворостовский прирожденный Демон. Эта роль – точно по нему, по его голосу, по его повадке, возможно, по внутреннему ощущению.

Какое-то время назад в концерте, также показанном на канале КУЛЬТУРА, он спел арию Демона – ту самую, известную: «На воздушном океане/без руля и без ветрил/Тихо плавают в тумане/хоры стройные светил». Спел на таком дыхании, с такой отдачей, что я даже не стала сравнивать его с божественным Павлом Лисицианом. Другое - но тоже неземное, да еще и мощное, огромное...

Ария Демона – вот все, что большинство из нас знает об этой опере. Гениальной? Судя по второму акту, да. В первом у меня еще были сомнения. Потом, в антракте, я услышала высказывание Хворостовского о сочинении Рубинштейна: «Наполовину гениальная, наполовину негениальная».

Сочиненная всего за три месяца по либретто лермонтоведа Павла Висковатого, впервые она прозвучала в Мариинке в 1875 году. Нет свидетельств о грандиозном успехе, провала тоже не было, значит, прошло тихо. На своем веку не помню такого названия в оперных театрах.

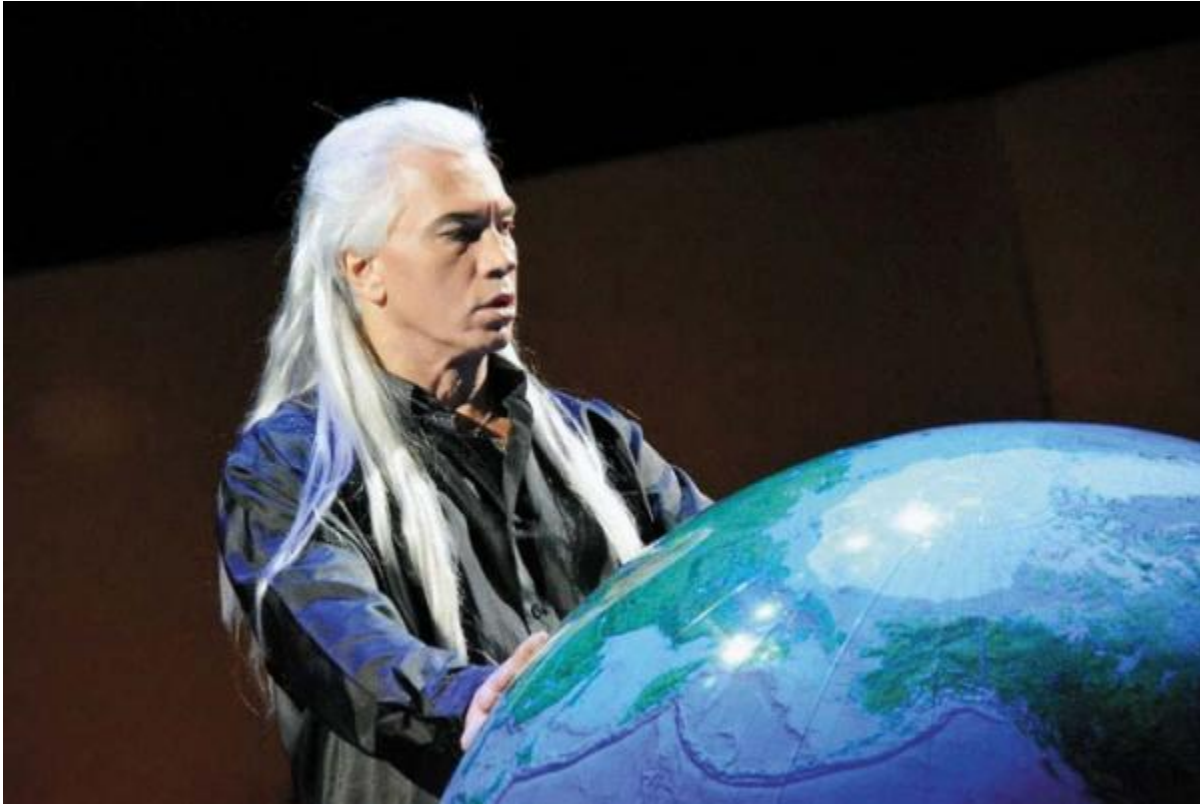
Знаю, что в зеркальном году премьеры, 1957-м, Демона в ленинградском Кировском, ныне снова Мариинском, пел любимец советских зрителей Георг Отс. Подозреваю, что Демон Отса был чем-то похож на Мистера Икса - печальный, загадочный, влюбленный...

Демон Хворостовского – титан, богоборец. Меня насторожил крестик на открытой шее певца, который навязчиво лез в глаза. Объяснением отчасти можно считать признание Хворостовского: когда Гергиев поставил в Мариинке последнюю сцену оперы, он, исполнитель Демона, тяжело заболел и премьеру пришлось отменить. В этом случае возможен своеобразный «синдром» Воланда–Демона, мешающий без суеверного страха обращаться к определенным «магическим» фигурам и сюжетам.

Скажу сразу, что либретто «Демона» уходит в сторону от лермонтовской поэмы, стихи поэта в опере мы слышим редко, только в «гениальных кусках». В остальных – нечто присочиненное бедолагой–либреттистом, не слишком обремененным художественным талантом.

Итак, Демон Хворостовского – богоборец, темный властелин Мира.

Этому способствует решение спектакля режиссером Дмитрием Бертманом – предельно абстрактное, далекое от «грузинской» ориенталистики и сказочности. В сущности, хотя заявлено концертное исполнение, это полноценный оперный спектакль, несмотря на то, что в Зале Чайковского нет занавеса и декораций. Проекторы создают иллюзию гор, облаков, необъятного и таинственного Божьего мира.

Огромный Глобус, Земной шар, расположен посреди сцены. Демон Хворостовского играет с этим Глобусом как со своей игрушкой. Глобус – его символ, его атрибут. Демон наделен властью над миром, но он бесконечно одинок, ибо его «никто не любит». Мир для него – безлюбая пустыня.

Тамара – его последний шанс «с небом примириться, любить, молиться и верить добру».

В противоборстве могучего, яркого и обольстительного Демона и наивной, верящей в Бога, почти девочки Тамары – суть и поэмы Лермонтова, и главного оперного конфликта.

Если атрибут Демона – большой Глобус, то у Тамары таких атрибутов два. Это подушки – как символ ее бессонных сновидений, ее мучительных грез «наяву» – и маленький Глобус, повторение Большого, которым Демон искушает намеченную им жертву. Нужно иметь на редкость изящное сложение, и при этом обладать неженской силой и выносливостью, чтобы петь арии растянувшись на глобусе, стоя на коленях, ползая на корточках, сидя и лежа на полу, исполняя задуманное режиссером.

Нежная и хрупкая Асмик Григорян, лирическое сопрано, дочь тенора Гегама Григоряна, воспитанница Вильнюсской консерватории, блестяще справляется со всеми задачами, к тому же, чудесно поет и проникновенно играет. Оба протагониста - Он и Она - играют с минимумом грима, очень естественно и драматично, без педалирования. Живые слезы в глазах Асмик-Тамары говорят о степени ее вовлеченности в действие, о силе ее сопереживания юной грузинской княжне.

Глядя на этот дуэт Демона и наивной безыскусной души, я невольно вспоминала роман Метьюрина «Мельмот-скиталец», о котором восхищенно отзывался Пушкин, роман, явно известный Лермонтову. Там Дьявол-Мельмот тоже искушает девочку, однако ничего у него не выходит, чистая душа не поддается злу. Тамара у Лермонтова поддается не злу, а Любви и Очарованию жизни, в ней пробуждается интерес к миру, к тем «надзвездным краям», о которых шепчет ей искуситель. Речи Демона преследуют Тамару – то сверху, то с боку, то в двух шагах от нее – режиссер и певец прекрасно используют пространственную «архитектонику» зала.

В опере за редкими исключениями нет грузинского колорита, но есть отличные куски церковной музыки: «хор монахинь», чудесная православная попевка монаха со свечой «Все нечестивое прахом пойдет».

В итоге после поцелуя Демона Тамара умирает.

И здесь – в полном соответствии с автором поэмы – Ангел вырывает ее душу из рук Демона:

«Она страдала и любила – и рай открылся для любви».

Кстати, Ангела в этой постановке поет не женщина меццо-сопрано, как в предшествующих спектаклях, а мужчина контр-тенор. Дань вкусам и возможностям нашего времени.

Последняя сцена между Тамарой и Демоном смутно напомнила мне финальную сцену Татьяны и Онегина. Тот же баритон Хворостовский, в той же роли – соблазнителя, и с таким же неутешительным для него финалом. С удивлением обнаружила, что и размер у обоих произведений, «Онегина» и «Демона», один – четырехстопный ямб.

Вспомнилась сходная концовка у Пушкина в его знаменитом «Рыцаре бедном», которого Пречистая взяла в рай, несмотря на его «прегрешения», перечисляемые нечистым, «лукавым духом». Рыцарь был ее паладином, любил ее всем сердцем – и рай, прямо как у Лермонтова, «открылся для любви».

Заодно пришли в голову Пастернак и Маяковский, также обращавшиеся к теме «Тамары и Демона». Борис Пастернак о книге «Сестра моя жизнь», написанной в 1917, на гребне общественного катаклизма и собственных - влюбленности и вдохновения, - писал, что она посвящена Лермонтову, не памяти, а поэту, «как если бы он еще жил среди нас, его духу...». Если начнете искать лермонтовского Демона в этих стихах (а первое стихотворение называется «Памяти Демона»), - не найдете, стихи «пастерначьи», только навеянные Михаилом Юрьевичем и его поэмой.

Еще меньше от «оригинала» у Маяковского. В стихотворении «Тамара и Демон» смешиваются две Тамары, «светлая» - героиня поэмы и «темная» - героиня баллады. Иначе не объяснишь, почему поэт умоляет: «Не кинь меня в пропасть, будь добра». Сам

Лермонтов под конец почему-то назван гусаром – то ли с издевкой, то ли по невежеству: «Люблю я гостей/ Буылку вина/ Налей гусару, Тамарочка».

Короче, чтобы иметь представление о Тамаре и Демоне лучше всего обращаться непосредственно к лермонтовской поэме. Там, как и в опере, Демон в финале уходит во тьму, остается «один как прежде во Вселенной». И знаете, мне стало его жаль. Захотелось, чтобы ему что-то хорошее засветило, все же были в нем человеческие задатки и желания, была жажда «любить и молиться». Что же все-таки ему помешало? Думаю, гордость. Не хотел делить свою власть с Богом, предпочел одиночество и безлюбовь... Жаль.

Поздравляю всех создателей оперы с несомненной удачей. Да, забыла сказать, что дирижировал оркестром имени Евгения Светланова Михаил Татарников, в конце почему-то оставшийся без цветов. Возможно, потому, что все цветы достались героям - Асмик Григорян и Дмитрию Хворостовскому, буквально утонувшим в букетах.